

Су Янь осознала, что противник её обнаружил, но, к сожалению, едва подняла винтовку, как, подобно Ду Ицзэ, «погибла». Ду Ицзэ и его товарищи, как последняя выжившая группа, так и не смогли переломить ситуацию.

Тот, кто лежал в лесу, поднялся с земли, подошёл и дал пять своим товарищам. Ду Ицзэ открыл рот, желая что-то сказать, и лишь когда увидел, как Ван Цзяюй неспешно подошёл к ним, понял, что этот «внезапный инцидент» с самого начала был спланирован Ван Цзяюем.

Под вечер Ван Цзяюй собрал обе команды перед домом для разбора. Ученики инструктора были полностью уничтожены, часть из них среагировала слишком медленно и была вынуждена выйти из боя сразу после выхода из машины. По сравнению с их унынием, члены спецотряда Ван Цзяюя выглядели бодро и энергично.

Ван Цзяюй спросил их:

— Рады? Радуетесь?

Увидев, как они дружно кивают, Ван Цзяюй изменился в лице и строго отчитал:

— Чему радуетесь? Победа, полученная жульничеством, чему тут радоваться?

Тот, кто лежал в лесу, опешил. Он понял, что Ван Цзяюй говорит о том, что он выпустил дым, вытянул шею и оправдывался:

— После того как я «пострадал», я и должен был выпустить дым!

— Значит, впредь враги, умирая, должны будут ещё и докладывать тебе?

В строю раздался взрыв смеха.

— Ещё смеётесь? Все, марш в машину!

По окрику Ван Цзяюя они наконец осознали, что командир действительно разозлился, и, понурив головы, полезли в внедорожники. Ван Цзяюй направился к оставшимся ученикам инструктора, ненадолго останавливаясь перед каждым, сопоставляя их лица с досье и деталями задания. Когда он подошёл к Ду Ицзэ, то задержался надолго. Ду Ицзэ тоже не проявлял никакой скованности, какую обычно испытывают перед начальством. Двое какое-то время смотрели друг на друга в полутьме, и вдруг Ван Цзяюй спросил:

— Почему ты хочешь стать полицейским?

Стоявшая рядом Су Янь тут же возбудилась, готовая ответить за него. Однако Ду Ицзэ вдруг напрягся, его боковым зрением он уловил, как Су Янь смотрит на него с ожиданием, и этот взгляд почти задушил его.

— Чтобы наказывать зло и поощрять добро, — сглотнув, ответил Ду Ицзэ.

Су Янь энергично кивала, выражая согласие.

Услышав это, Ван Цзяюй даже усмехнулся — этот парень явно говорил неправду. Он ткнул пальцем в плечо Ду Ицзэ:

— Тогда хочешь присоединиться к нашему спецотряду и вместе с нами наказывать зло и поощрять добро?

— Наша работа куда опаснее, борьба с террористами, уничтожение наркопритонов — всё это как раз наказывает зло и поощряет добро, — Ван Цзяюй смотрел ему в глаза, словно мог одним взглядом увидеть его слабость. — Самое главное, ты станешь сильным, ты обретёшь силу. Ты станешь тем, кем хочешь стать.

В спецотряд вместе с Ду Ицзэ выбрали и Су Янь. Школа уже уладила за них формальности. В ночь отъезда все одноклассники вышли проводить их до машины. Ван Цзяюй, прислонившись к дверце, смотрел на часы, а инструктор время от времени перекидывался с ним парой слов. Толстячок сложил в большую сумку для вещей закуски, которые ему всучили родители, когда приезжали навестить, и протянул её Ду Ицзэ. Со слезами на глазах, похожий на старую няню, провожающую дочь замуж, он ухватил Ду Ицзэ за руку:

— Я слышал, тренировки в спецотряде невероятно суровые... Ты обязательно должен вернуться живым...

— Не беспокойся об этом, моя жизненная сила крепче, чем у тараканов в нашем подъезде.

Су Янь, уперев руки в бока, рассмеялась:

— Хватит реветь, ну прямо как девчонка!

Это был день, когда они были ближе всего к свободе. Ван Цзяюй вёз их на базу, инструктор, стоя у окна машины, вежливо помахал им рукой, а затем погнал остальных учеников обратно в школу. По дороге Су Янь рассказала Ду Ицзэ, что её семья категорически запрещает ей вступать в спецотряд, но она всё равно тайно вступила. Спросив, сообщил ли Ду Ицзэ своей семье, она получила в ответ покачивание головой:

— Не нужно.

Это был, пожалуй, первый раз в жизни, когда он принимал важное решение, совершенно не ставя в известность семью. По сравнению с чувством вины от обмана, которое испытывала Су Янь, Ду Ицзэ чувствовал облегчение. Он смотрел на ночной пейзаж за окном, думая, удастся ли ему дожить до пенсии или же он погибнет во время какого-нибудь задания и останется в истории. Думал всю дорогу, но так и не понял, какое из этих двух будущих лучше.

После прибытия на базу их жизненный ритм стал в два раза быстрее, чем в школе, а в руки они получали реальные задания. Су Янь в основном отвечала за прослушивание, иногда с утра до вечера сидела перед одним устройством, стараясь из бескрайнего моря сигналов выделить определённую частоту. Она сохраняла одну и ту же позу, но рука с ручкой двигалась очень быстро, что часто напоминало Ду Ицзэ, как его мать сидела за швейной машинкой, чтобы заработать на жизнь.

— Это сексизм! Получается, я как обслуга! — в этот день Су Янь вышла из базы, растирая ноющие плечи, и плечом к плечу с Ду Ицзэ пошла к общежитию.

— Я тоже так думаю. Скажи, почему командир Ван действительно воспринимает тебя как женщину? Почему всё время держит тебя за кулисами?

Су Янь расстроилась, эти слова задели её больное место:

— Я, может, и крепковата, но в физиологическом плане всё же женщина, верно?

Ду Ицзэ утешил её:

— На самом деле, тыловики — это опора, мы все должны слушать твои приказы.

— Приказы отдаёт командир Ван, а не я.

— Подумай так: это ты контролируешь и докладываешь информацию, то есть по сути предоставляешь решающие справочные мнения.

Су Янь вдруг о чём-то вспомнила и снова приуныла, казалось, она очень винила себя:

— Наши технологии прослушивания всё ещё очень продвинутые. Как только удаётся запеленговать, обычно ошибок не бывает... Но в последние несколько раз, когда вы выезжали, всё равно возвращались ни с чем.

— Это потому, что у наркоторговцев обычно и людей, и вооружения куда больше, чем у нас. К тому же, когда мы выезжаем с таким размахом, неизбежно спугнём зверя. Это не твоя проблема и не проблема технологий.

— Так дальше продолжаться не может, — Су Янь скрестила руки на груди. — Я тоже хочу с вами идти в атаку.

— Возможность обязательно будет. Обычно ты ведь тоже тренируешься с нами? Командир Ван, наверное, видит, что ты внимательная, поэтому и поручил тебе прослушивание.

— Тогда расскажи, какие чувства ты испытываешь каждый раз, когда выезжаешь на задание? Я, знаешь, даже сидя за экраном, уже достаточно нервничаю и волнуюсь.

— Боюсь, ты посмеёшься, — Ду Ицзэ сделал паузу и честно ответил:

— Каждый раз, когда я врываюсь в зону цели, я чувствую, что в следующую секунду могу умереть.

Два главных магната трансграничной наркоторговли и контрабанды оружия в этом районе были заклятыми врагами, каждый занимал север и юг города. Сначала члены спецотряда не понимали взаимных обид вражды между этими двумя, пока позже не стали часто обнаруживать на улицах группы мелких торговцев, случайно забредших на территорию противника.

Часто они не успевали добраться до места происшествия для обработки, как газеты уже готовились к публикации. Как только информация попадала в газеты, это было равносильно косвенной помощи убийце бросить вызов другой стороне. В большинстве случаев сторона, бросавшая вызов, называлась Крыса-кошкодав, а сторона, которой бросали вызов, — Уродливый Кот — все какие-то странные прозвища.

Уродливый Кот вёл дела скрытно, как кошка, появляясь и исчезая бесследно. Никто не видел его истинного облика, и в мире ходили слухи, что он невероятно уродлив и не может показывать своё настоящее лицо, поэтому и получил прозвище Уродливый Кот.

Уродливый Кот был намного старше по стажу, чем Крыса-кошкодав. Крыса-кошкодав изначально звался просто Крыса, его характер был полной противоположностью Уродливому Коту. Он относился к человеческой жизни, как к траве, был высокомерен и самонадеян. Во время контрабанды, если его перехватывала полиция, он сразу хватал оружие и шёл в бой, никогда не думая о последствиях. Неожиданно его боевая манера, как у дикой собаки, кусающей всех подряд, помогла ему привлечь на свою сторону связи, позволив ему одним махом подняться, но также сделав его главной целью спецотряда.

<http://bllate.org/book/15266/1347233>